

ПОРА ЗАКОНЧИТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ
И СДЕЛАТЬ ВЫБОР.

Выбор сделает

МАЛЬВИНА

3

ТАТЬЯНА МИНЕНКОВА

18+

МЕРКУРИЙ
майем

Татьяна Миненкова
Выбор сделает Мальвина
Серия «Мальвина», книга 3

<https://litres.ru/73538496>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алине кажется, что разгаданы все загадки кроме одной: почему Костя ее оттолкнул. Но она приняла его выбор и больше не хочет раскрывать чужие тайны. Ей осталось одно удовольствие: проводить время на кладбище и общаться с воронами.

Но жизнь снова сталкивает ее с прошлым, заставив вернуться в город, с которого всё началось. Алине с Костей придется встретиться снова, в новых, непривычных амплуа и в последний раз стать вынужденными напарниками.

Её ждет новое расследование. Ждёт разгадка тайны гибели Ри и настоящий убийца. Но на этот раз она сама сделает выбор и никто не посмеет с ним не согласиться.

Финальная книга трилогии о Мальвине. Первая книга "Следствие ведет Мальвина", вторая книга "Имя назовет Мальвина"

Содержание

Пролог	4
Глава 1.Та самая Малинина	13
Глава 2.Комары в голове	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Миненкова

Выбор сделает Мальвина

Пролог

Everyone Who Falls In Love — Cian Ducrot

Год спустя

В эту могильную плиту можно смотреться как в зеркало. Девушка на черном граните один в один на меня похожа, и сейчас я люблюсь ею, словно отражением в темном стекле. Пытаюсь воспроизвести на губах подобие ее улыбки. Я ведь тоже умела так, однако если не практиковаться навык теряется.

Ветер, прохладный, но уже по-настоящему весенний, лениво волочет по плиткам розовые лепестки. Он оборвал их с бутонов, но играет совсем неохотно — развлекает воронов, ожидающих моего ухода.

— Не жди, я сегодня надолго, — сообщаю я самому смелому из них и протягиваю печенье на раскрытой ладони.

Оперение с красивым металлическим отливом, играет в солнечных лучах оттенками синего и фиолетового, топорщится на шее подобием черной бороды. Иногда он отваживается подлетать и брать угощение с руки, но сейчас приглядывается, или не голоден. Наплевав на перспективу ис-

пачкать пальто, сажусь на пыльный край постамента и при-
слоняюсь спиной к памятнику.

— Еще год таких регулярных встреч, и вы примете меня
в стаю.

Ворон издает в ответ глухое, но многообещающее карканье — результат рассмотрения моей кандидатуры будет напрямую зависеть от печенья, но у меня его много.

— Бери, говорю, — настойчивей предлагаю я, поднимая ладонь повыше. — Всё равно я больше не могу заставить себя съесть ни одного.

Правильней было бы вообще больше не печь, но этот процесс меня успокаивает, дает стабильность и иллюзию, что в жизни осталось хоть что-то прежнее. Кто бы мог подумать, сейчас моя нервная система и хрупкое психическое равновесие держатся исключительно на миндальном печенье, которое я пеку для ворон. Оно — константа, целый год удерживающая меня от того, чтобы рухнуть в бездну отчаяния.

Набравшись смелости, ворон взмахивает широкими крыльями и садится на запястье, цепляется коготками за край кашемирового рукава. Он резво хватает печенье с ладони, отлетает на пару шагов и начинает трапезу прямо на брусчатке. Нежное миндальное тесто крошится от пары ударов черного клюва. Зажмуриваюсь и откидываю назад голову. Слезы собрались под веками, но есть лайфхак — если не открывать глаз, они так и останутся там.

— Я скучаю, Ри, — признаюсь я сестре. — По тебе, и по

нему. Спать по ночам не могу, потому что вы оба по очереди мне снится. Сегодня была Костина.

И те пару часов, что я провела в тяжелой маетной полудреме, сознание снова прокручивало передо мной картинку нашего последнего утра. Просьбу Семенова переехать к нему. Его непривычную серьезность. Мои глупые сомнения и страхи. Связку ключей от его квартиры и долгие поцелуи в прихожей. А потом отвратительно-гулкое эхо сотню раз повторило слово «уходи», прозвучавшее в тишине больничной палаты, словно оглушительный выстрел. Из горла вырывается всхлип:

— Спустя год должно было стать проще. Я ведь даже с твоим отсутствием почти сумела смириться. Думала, и его отпущу, забуду, оставлю в прошлом.

Костя сам говорил, что если научиться жить с болью, то на том месте, что она занимала в груди, вырастут одуванчики. Мне однажды это почти удалось. Но сейчас внутри снова только боль и обреченность. Пустота, оставшаяся на месте чувства, которому я так и не успела подобрать определение.

— За целый год он точно позвонил бы, если бы сам этого хотел. Я ведь не ждала ни извинений, ни объяснений, ни обещаний больше меня не отталкивать. Просто услышать его голос из динамика телефона было бы достаточно. Но Семенов не дал даже этого.

Он с легкостью вычеркнул меня из своей жизни. Исполнил обещание отпустить, а я, хоть и уехала, так и не смог-

ла уйти окончательно. Мысленно я всё ещё с ним, в уютной темной спальне, замороженно смотрю, как огни новогодней гирлянды причудливо смешивают цвета на его лице.

— И теперь я...

— Теперь ты в разгар рабочего дня торчишь на кладбище, дискутируя с воронами.

От резкого комментария я открываю глаза и по левой щеке всё же скатывается слезинка. А папа добавляет не без издевки: — Для этого нужно специальные рапорты писать?

Мы не пересекались здесь ни разу со дня похорон Рины. Потому что раньше я не приезжала в будни, а отец — в выходные. Его винить не за что — это я первой нарушила правила. Интересно только, как много он успел услышать и понял ли, о чем речь?

— Не нужно. — Старательно делаю вид, что сидеть вот так, облокотившись о Ринкин памятник — абсолютно нормально и правильно. Признаюсь, не сдержав печальной улыбки: — Я соврала, что уехала на следственные действия.

Из меня сейчас работник хуже, чем из Скворчонка. И я ведь совсем не преувеличила — приуменьшила даже. По двум делам сроки пропущены, а озвучивая вчера в суде ходатайство о продлении обвиняемому срока стражи, я внезапно потеряла концентрацию и почти минуту простояла, уставившись в одну точку.

— А ведь ты даже школу никогда не прогуливала, Ли, — поддевает папа, прошупывая крепость льда наших отноше-

ний. — Зато теперь прогуливаешь свою драгоценную работу.

Он устроился на каменной скамье напротив маминого надгробия, положив алые розы рядом с собой. Меня стыдит, а сам, кажется, тоже улизнул с очередной рабочей встречи — пальто небрежно накинуто на черный деловой костюм, на лице усталость, но в глазах отблеск любопытства. Владимир Малинин настроен в очередной раз повоевать со мной, но не уверена, что у меня есть на это силы:

— Приехал позлорадствовать значит, — констатирую я и достаю из кармана очередное печенье.

В папином присутствии ворон не подлетит, но от добавки наверняка не откажется. Бросаю угощение, и он подлетает ближе, чтобы опередить собратьев по стае. Вместо того, чтобы есть, захватывает печенье клювом и взмывает в небо. Там на одной из высоких сосен у него гнездо. Вороны однолюбы — выбирают себе пару один раз и на всю жизнь. Я, кажется, тоже. Еще один довод вступить в стаю.

— Приехал, чтобы привезти жене цветы, — поправляет папа и моё внимание снова возвращается к нему. — Понятия не имел, что попаду на семейный совет.

Он говорит беззлобно, но по льду наших и без того непонятных отношений с хрустом ползет тонкая трещина. Мы ведь действительно сегодня спонтанно собрались всей семьей. Впервые за последние два года. Но вряд ли это хоть что-то значит. Мы с отцом всё так же далеки друг от друга. Примерно так же, как от тех, чьи имена теперь высечены

в граните памятников. Опершись рукой о нагретую на солнце плитку, поднимаюсь на ноги. От резкого движения перед глазами мелькают цветные точки:

— Если хочешь побыть один, я уеду.

В конце концов, будни — папино время. А я завтра снова совру что-нибудь на работе и вернусь. Цветные пятна, как от новогодней гирлянды всё ещё пляшут перед глазами. Морщусь, и, тряхнув головой сбрасываю наваждение. Касаюсь пальцами края Ринкиного надгробия. Мышцы сводит от неприятной слабости. С чего бы это? Я же завтракала сегодня. Кажется. А может, это было вчера.

— Нет уж, оставайся, — разрешает отец. Он берет розы в руки, в надежде, что я сяду на скамейку с ним рядом, но упрямство не позволит мне признать, что я еле стою на ногах. — Заодно Расскажи, Алина: что теперь держит тебя на этой работе?

Криво усмехаюсь. Этим вопросом заканчивается практически каждый наш разговор. В том, сколько раз папа задавал мне его, я успела сбиться со счета. Но на этот раз вопрос сформулирован неверно, а ответ спрятан куда глубже обычного. Стоило бы спросить о том, что вообще держит меня в этой жизни, последним и единственным удовольствием которой остались поездки на кладбище? Жалость к отцу? Он и без того потерял слишком много. Надежда, за которую я так долго цеплялась, за этот год почти иссякла, истончилась, и грозит вот-вот оборваться. Что я стану делать, когда это

наконец произойдет?

— Ничего, пап. Теперь — ничего, — смиренно признаю я и качаю головой. — Но это вовсе не значит, что я готова ухватиться за возможность влезть в управление Меркурием. Я не готова.

— Но ты всегда была достаточно смелой для того, чтобы браться за что-то новое, даже не чувствуя полной готовности, — философски подмечает он. — Это ключевой навык для личностного роста.

— Поверь, личностный рост — последний в списке моих нынешних приоритетов, пап.

— Пожалуй. — Поднявшись со скамейки, отец ставит в каменную вазу цветы. Те, что успели завянуть, я уже убрала, но новые мы тоже приносим по правилам: он — алые для мамы, я — розовые для Ри. — Но я, кажется, знаю, с чего начинается этот список.

— И с чего же?

Мне и самой интересно было бы знать ответ, потому что жизнь в последний год строится не по принципу «чего бы мне хотелось», а по принципу «чего бы мне не хотелось меньше всего». Засовываю руку в карман, и сжимаю последнее печенье. Знакомый ворон не стал возвращаться из гнезда — предпочел разговорам со мной любовное воркование. Еще один предатель. Придется оставить печенье на плитке, для остальных.

Папа оборачивается ко мне и, склонив голову к плечу, де-

лает вид, что видит меня насквозь:

— С попыток поговорить с Ариной, понять ее, почувствовать. Надежда что поимка убийцы поможет, не оправдалась, а новой ты не нашла.

Нашла, но отец, к счастью, об этом не знает. Я не только научилась жить, но и была по-настоящему счастлива. Правда, совсем недолго. Зато теперь, когда гибель сестры смешалась в отвратительный коктейль с последствиями болезненного расставания, я уже ни в чем не вижу смысла.

— И ты, значит, знаешь способ? — Я тоже клоню голову к плечу и почти минуту мы стоим, рассматривая друг друга.

Странно, что спустя столько отказов и споров, папа всё ещё способен возлагать на меня какие-то чаяния. Признаю, упорства ему не занимать. Другой бы уже давно махнул рукой и назвал меня никчемной. И я не стала бы спорить, потому что это действительно так.

— Знаю, — выдает он, наконец, и добавляет: — Но скажу только если уволишься из следствия и хотя бы попробуешь себя в управлении Меркурием.

— Ты уже пробовал шантаж, — хмыкаю я. — И это не помогло.

— Мне кажется, что на этот раз ты согласишься. — Отец делает шаг ближе, касается моего плеча и, смерив новым пристальным взглядом тихо добавляет: — И обещаю: я помогу.

После этого он, не прощаясь, уходит в машину, где всё это

время дожидаться водитель, а я остаюсь. Запрокидываю голову, подставляя лицо солнечным лучам и закрываю глаза. Папа не угадал, с чего начинается список моих приоритетов — с желания узнать причину, по которой Семенов меня оттолкнул. Но в том, что Арина мне тоже нужна, он прав. Отец как никто понимает необходимость окончательно во всем разобраться. Быть следователем для этого больше не нужно. Кто знает, может это и станет моим новым стимулом?

Вытряхнув из карманов пальто остатки раскрошенного печенья, я тоже иду к машине. Папин Мерседес отъезжает с парковки. Наше общение всегда было хождением по тонкому льду: короткие, тщательно выверенные слова, уклончивые ответы, двусмысленные предложения. Раньше Ри всегда сглаживала конфликты и гасила искорки разгорающихся ссор. С тех пор, как её не стало, мы совсем пореряли связь. Казалось, она вот-вот оборвется окончательно.

Но на этот раз лед в наших отношениях не остался целым. Он тронулся.

Глава 1. Та самая Малинина

Cry Me A River — Tommee Profitt, Nicole Serrano

Каждый, кто работает в следствии мысленно писал не меньше сотни заявлений об увольнении. Как минимум раз в месяц, иногда чаще. Но лишь единожды его можно написать по-настоящему. Задерживая над листом ручку. Выводя буквы. Решаясь.

— Ой, ну подождали бы, вам до пенсии осталось всего-ничего, — участливо качает головой работница отдела кадров, и мое желание уволиться трехкратно усиливается.

Пенсия — последнее, о чем я сейчас думаю. Мне двадцать девять, а не шестьдесят. Дело даже не в деньгах. Просто я и без пенсии ощущаю себя выжатой досуха, обессиленной и тленной. Не собираясь посвящать кадровичку в свои невеселые размышления, коротко отвечаю:

— Не хочу.

— Зря вы так, Алина Владимировна, — не унимается она.

— Вы хорошо подумали?

У нее приказ — никаких увольнений свыше нормы, в крае недобор следователей. Мало стало желающих жертвовать нормальной жизнью в обмен на сомнительную привилегию участвовать в восстановлении справедливости. Потому что нельзя восстановить то, чего изначально нет.

— Достаточно. — Я киваю и отвожу взгляд.

Скорее бы всё это закончилось. Кадровичка еще не знает, что руковод любезно разрешил мне не отрабатывать положенные перед увольнением две недели. Каким бы ни был недобор, следовательно, не умеющий сосредоточиться на работе ему без надобности.

Когда вернувшись с обеда соседка по кабинету громким шепотом сообщает ей, что я не просто Малинина, а «та самая Малинина», уговоры сворачиваются, как улитка, мгновенно прячущаяся в раковину от неосторожного прикосновения. Потому что увольнение той самой Малининой давно было вопросом времени. Сначала у нее убили сестру-близнеца. Потом вместо психдиспансера отправили в отпуск без содержания. Еще она тайно искала убийцу и раскрыла дело. А год назад та самая Малинина чуть было не погибла от рук преступной группировки, состоящей из правоохранителей-отступников. Кажется, сама судьба не раз настойчиво подталкивала меня к этому шагу, а я сопротивлялась. Но всему приходит конец. Я сдалась.

В отделе поговаривают о моей склонности к суициду, но это глупости. Слишком ценна моя, дважды спасенная Семеновым, жизнь, чтобы расстаться с ней просто так. Да и папа сумел заинтриговать своим обещанием. Тем не менее, я не спешу убеждать обеих кадровичек в своей нормальности, пока ампула ненормальной более выгодно.

Отношения с коллегами у меня холодные, напряженные. Никто не спешит устраивать шумные проводы, обнимать и

заверять, что станут скучать. Наоборот, все они, включая начальника, с моим уходом выдохнут свободно. Я давно превратилась из странной одиночки в прокаженную, но меня это устраивало. Это Тетерин, Скворцов, Крылов, Осипов и Серегин были неправильными — сумели найти во мне что-то, чего я сама никогда не замечала.

Пашка звонил вчера. Я долго смотрела на телефон, и терзалась догадками, чего он мог от меня хотеть? Похвастаться повышением? Спросить, как жизнь? Рассказать о деле Тихомирова? Так и не решилась ответить. Потому что одновременно и хочу, и боюсь узнать про Костю. Их город слишком маленький, чтобы информация о нем обошла Тетерина стороной.

Я ведь и без того постоянно думаю, каково Семенову остаться без работы — она значила для него слишком много. Костю ведь без постоянных звонков, выездов на происшествия и формы даже представить сложно. Хотя нет. Без формы как раз легко, но лучше не надо.

Моё рабочее место слишком безликое, чтобы оттуда хотелось что-нибудь забирать с собой. Единственное исключение — наша с сестрой детская фотография из верхнего ящика стола. На ней Ри склонилась к моему уху и говорит что-то. Наверняка это был какой-то страшный секрет, но спустя столько лет сознание стерло его из памяти. Полюбовавшись почти минуту, я аккуратно убираю снимок в сумку и заканчиваю сборы. Через несколько дней нужно будет подписать

обходной лист и кадровые документы, но сейчас делать здесь больше нечего.

Дома меня тоже никто не ждет, поэтому я торжественно вешаю в шкаф темно-синюю форму, не испытывая никаких сожалений оттого, что больше никогда ее не надену. Решаю не откладывать визит в офис Меркурия в долгий ящик. Слишком уж назрела эта необходимость. Пора встретиться со своим страхом лицом к лицу. Хотя, сейчас страха нет. Осталось лишь странное, граничащее с напряжением, предвкушение. Словно именно там я смогу раздобыть те самые недостающие осколки и наконец понять настоящую причину гибели Ри. Закрывать последний из гештальтов.

Место оказывается живописным — огромная высотка у моря, облицованная белым камнем с четкими геометрическими орнаментами — Таласса. Здание напоминает корабль с парусами, развевающимися на ветру и женской статуей на фасаде. Комплекс огромен, и в нем нашлось место для отеля, ресторана и огромного количества офисных помещений — центральный офис Меркурия переехал сюда года три назад и занимает половину девятого этажа.

Поднимаясь в лифте, я пытаюсь вспомнить причину, по которой Ри (а это было именно ее решение) придумала перенести административный центр сети в здание конкурентов. Сестра часто говорила, что конкурентов у Меркурия нет и быть не может, но в случае с Талассой у нее точно было какое-то объяснение, когда-то показавшееся мне несуществен-

НЫМ.

В который раз корю себя, что погрузившись в работу совсем перестала интересоваться жизнью сестры — неверно расставила приоритеты. Где сейчас эта работа? И Ри тоже больше нет.

— Аля? — удивляется Олег.

Мы сталкиваемся на выходе из лифта, и Фомин на какое-то время ошарашенно замирает. Еще бы. В мое появление в Меркурии давно перестали верить. Но во взгляде Олега не только удивление, что-то еще. Разочарование? Боль?

— Извини. — Он рассеянно усмехается и пожимает плечами. — Я просто не ожидал... Видеть тебя здесь... Сама понимаешь...

— Понимаю, — признаю я со сдержанным кивком. Олег не произнёс вслух, но это лишнее, мы оба без лишних слов знаем, что именно он имел ввиду. И, поскольку Фомину всё равно рано или поздно придется сказать, добавляю: — Я обещала отцу, что помогу с Меркурием... кхм... по крайней мере, попробую помочь.

Неуверенность лишняя, но справиться с ней сейчас не удастся. Потому что сложно не представлять, что последний год своей работы Ри провела здесь. Приходила по утрам, улыбалась коллегам, пила кофе, обсуждала идеи и планы. Сестра ведь была совсем другой. С её появлением в любом помещении загоралась невидимая лампочка. Арина распространяла вокруг себя позитив со скоростью света, не остав-

для никого равнодушным. Мы всегда были противоположностями, двумя сторонами одной медали. С моим появлением у Олега опустились уголки губ и глаз, а брови, наоборот приподнялись, как у печальной куклы-Пьеро. Улыбка получается у него неестественной:

— Ты справишься, Алина. И я рад, что ты здесь.

Фомин неуверенно касается моего предплечья — сомневается, может ли себе это позволить. Слишком противоречивые у нас отношения. Ему и самому сейчас не помешала бы поддержка, но для поддержки нужен внутренний ресурс, а мы с Олегом после смерти Ри одинаково выжаты. Без неё ни один из нас не справляется. Но Фомин первым приводит в порядок эмоции. Осмелев, обнимает меня за плечи и подталкивает ко входу:

— Владимира Сергеевича сейчас нет, но я могу показать тебе офис. — Он обводит рукой просторный холл приемной и, приказывает секретарше за стойкой: — Виктория, сделай Алине Владимировне кофе.

Ухоженная брюнетка с готовностью кивает и, покачивая обтянутыми узкой юбкой бедрами дефилирует к кофемашине.

— С мёдом, если есть, — прошу я вдогонку, не уверенная, что за шумом аппарата девушка меня слышит.

— С мёдом, Вик, — громче повторяет Олег и секретарша, обернувшись, поднимает четко-очерченные брови.

Она смотрит на Фомина с таким удивлением, словно ее

только что попросили добавить в кофе живого единорога, поджимает губы и хмурится:

— Мёда нет.

— Найди, — коротко отрезает Фомин и подталкивает меня дальше по коридору. — Идём, Алина.

По пути мы заглядываем в каждый кабинет. Олег знакомит меня с сотрудниками бухгалтерии, отдела айти, службы безопасности и техниками. Имена перестают запоминаться после десятого, и я просто рассеянно киваю, смирившись с тем, что отличить экономиста Кирилла от специалиста по закупкам Семена или бренд-шефа Степана черед полчаса уже не смогу. Лица мелькают как вспышки стробоскопа в ночном клубе, но у всех одинаково-озадаченные выражения. Меня не ждали. А схожесть с погибшей Ариной, которую все будущие коллеги знали и любили заставляет относиться ко мне настороженно.

Представить себе не могла, что штат Меркурия успел так разрастись. Привыкла считать, что в нем не больше десяти-пятнадцати человек. Причина, по которой Ри перенесла офис в Талассу становится понятней: сотрудники получили светлые и просторные кабинеты с панорамными видами. Здесь действительно хорошо. Арина умела чувствовать атмосферу, мне не дано такого таланта.

Современный дизайн и уровень эстетики с моим рабочим местом в следственном комитете даже сравнивать нельзя. Там были обшарпанные коридоры и старая мебель, ды-

шащая на ладан техника и заваленные делами громоздкие сейфы, неудобные стулья — как для посетителей, так и для самих следователей. И в отличие от угнетающей атмосферы следственного управления в офисе Меркурия приятно пахнет, а стиль и креативность проекта вызывают желание найти архитектора, сумевшего воплотить идею Талассы в жизнь и с уважением пожать ему руку.

— У нас есть пара свободных кабинетов, если хочешь, — ненавязчиво предлагает Фомин, когда мы снова оказываемся в коридоре, но заметив, что я качнула головой, со вздохом произносит: — Я почему-то так и думал.

У следующей двери таблички нет, но я догадываюсь, кому кабинет принадлежит.

«Принадлежал», — мысленно поправляю и на языке самой собой возникает горький привкус.

— Он остался таким же, каким был при ней. — Олег вставляет ключ в замочную скважину и дверь открывается с тихим щелчком.

Пояснение Фомина было лишним. Здесь даже до сих пор пахнет ФорEVER энд эвер. Сладкий цветочный аромат мгновенно жалит обоняние, а флэшбэки из прошлого проносятся перед глазами с грохотом мчащегося по рельсам товарняка. Такие же тяжелые. С трудом произношу.

— Я... останусь здесь.

Это больно, но нужно и правильно. Как сорвать с раны присохший, вросший в кожу пластырь. А раз уж я хочу во

всем разобраться, иначе никак. Нужно стиснуть зубы, потерпеть, пережить, утешая себя надеждой, что когда-нибудь станет легче.

Перед тем, как Фомин оставляет меня одну, прошу его позвать кого-нибудь из отдела айти, а когда за ним закрывается дверь, брожу по кабинету. Дышу, наполняя легкие знакомым ароматом. Прикасаюсь к Ринкиным вещам, читаю заметки, схемы, записки на клейких листах. Включаю компьютер, тут же запросивший у меня незнакомый пароль.

Он у нас всегда был один и тот же — день нашего рождения, но у Ри перед датой стояла восьмерка, обозначающая бесконечность, и моё имя. Мои пароли такие же, только имя — её. Сейчас ни один их них не подходит. От попыток угадать отвлекает стук в дверь.

— Просили зайти, Алина Владимировна? — осторожно интересуется парень с внешностью ботаника. Легко поняв, что запомнить сотню имен за один раз не под силу даже гению, он усмехается: — Я Никита, руковожу техническим отделом. Нужна помощь с программным обеспечением?

— Не совсем. — Я пожимаю плечами и отчего-то смутившись, прошу: — Вы можете взломать для меня пароль?

Тихомиров каким-то образом сменил пароль Ринкиного облачного хранилища, но то, что доступ к компьютеру тоже ограничен, кажется странным. В кабинет моей сестры у Валентина доступа не было. И кто в таком случае хотел скрыть информацию на ее компьютере от меня?

— Конечно. — Никита улыбается так, словно в просьбе нет ничего необычного, а возможно так и есть и взламывать чужие пароли — его ежедневная рутина. — Сейчас сделаю.

Освобождаю рабочее место и смотрю за происходящим со стороны. Программист со знанием дела щелкает по клавиатуре так быстро, что я бросаю попытки понять суть его хитрых манипуляций. Проходит минут пять, не больше, и на рабочем столе загружается заставка.

Когда-то Ри везде ставила наши фото, но сейчас там просто красивый пейзаж. Вид с высоты на маленький город. Сопки на снимке не заснеженные, а укрытые пушистой зеленью, небо не чернильно-черное, а лазурно-голубое, но я легко могу догадаться, откуда сделано фото.

Разница лишь в том, что я была там в разгар зимней ночи, а Ри — погожим летним днем. Это вид из президентского люкса Меркурия. Того самого, в котором я год назад перевязывала раненное плечо Семенова, пока мы решали, кто рискнет назвать имя Гевельса на совещании. Для меня та ночь много значила. А что значил для Ри этот день на снимке?

— Никит, а можно как-нибудь узнать, когда пароль был изменен?

— Точную дату не скажу, но на момент последнего сохранения настроек системы в сентябре, три года назад, он уже был установлен. Сейчас пароль «8A1809», но советую сменить его на другой.

Бесконечность-восьмерка никуда не делась, но от «Али-

на» осталась лишь первая буква. Дата тоже изменилась — восемнадцатое сентября. Пытаюсь вспомнить, что именно было в этот день три года назад, но на ум не приходит ничего подходящего. Обычная среда, судя по календарю. Зато теперь я уверена, что пароль компьютера Ри изменила сама. А что, если ограничение доступа к облачному хранилищу — тоже ее рук дело?

Рассеянно благодарю Никиту и снова сажусь за стол. Его помощь мне больше не требуется, но новое знание оставило больше вопросов, чем ответов. В дверях кабинета айтишник сталкивается с секретаршей.

— Осторожнее, я же чуть кофе не разлила! — ахает Виктория — хотя бы её имя, услышанное в числе первых, отпечаталось в памяти. Девушка ставит кофейную чашку на край стола: — С мёдом, Алина Владимировна, как вы просили.

Почему-то кажется, что абсолютно несерьезная нежно-розовая кружка тоже принадлежала Ри. И называя меня по имени Вика с трудом заставляя себя говорить «Алина» вместо «Арина». Нам всем придется непросто. Нельзя заменить одного человека другим, даже очень похожим внешне, а фраза «незаменимых нет», которую столько лет твердило руководство следственного комитета на совещаниях — ложь. Любой человек важен и ценен. И потребность в некоторых может встать в один ряд с потребностью есть, пить, дышать. Так с Ариной. И с Семеновым, к сожалению, тоже так.

Кофе оказывается вкусным, в меру сладким и в меру креп-

ким — секретаршу здесь не только за длинные ноги держат. Отпивая из кружки глоток за глотком, я щелкаю мышкой компьютера, проверяя папки и файлы. В рабочем компьютере Ри творческий хаос — она любила такой, говорила, что порядок — это слишком скучно и в нем невозможно генерировать новые идеи.

Чем больше смотрю, тем больше интуитивно прихожу к мысли, что времена, когда мы с сестрой знали все секреты друг друга давно прошли, а я не заметила момента, когда это случилось. Зато теперь понимаю: Арина что-то скрывала от меня. Какую-то тайну — судя по всему, важную. Что-то, случившееся восемнадцатого сентября три года назад. Была ли эта тайна связана с ее смертью?

Правда бывает опасной, я знаю не понаслышке. Но как бы я ни зарекалась раскрывать чужие секреты, разгадка этого слишком важна. И я уверена, что так или иначе его раскрою.

Глава 2. Комары в голове

Bloody Roses — drunken night

Ставлю что угодно: папа тоже сейчас вспоминает, как когда-то напротив него за столом сидела Арина. Не может не вспоминать. И не думать о том, что в живых осталась самая неудобная из его дочерей. Окажись на моем месте Ри, он выглядел бы куда счастливей, но ни один из нас не в том положении, чтобы выбирать. И всё же, Владимир Малинин выглядит довольным — кои то веки я поступила так, как он просил.

— Боюсь даже спрашивать, как тебе на новом месте, — язвит он, лениво постукивая пальцами по столу. — Слишком кислая у тебя физиономия, Ли.

Он прав. Это тот случай, когда то, что хорошо для одного — плохо для другого. Поэтому я недовольна настолько же, насколько доволен отец и до сих пор не уверена, что поступаю правильно. Даже сваренный Викой кофе с медом, приобрел странный горький привкус.

— Не спрашивай. — Хмурюсь и отпиваю из кружки ещё один глоток, но горечь на языке от этого становится еще ощутимей. — Сам знаешь, терпеть не могу поступать по-твоему. Но никогда не поздно передумать. И раз уж шантаж сработал — я уволилась из следствия, пора бы и тебе выполнить обещание.

Вчера не могла уснуть, гадая, что папа мог иметь ввиду и пришла к выводу, что присутствие Ри действительно ощутимо в офисе Меркурия. Возможно, никакой загадки нет, и отец просто хотел, чтобы я наконец заняла место сестры, как когда-то опрометчиво обещала. Он столько лет в бизнесе — в блефе мне с ним не тягаться. И если папа сейчас честно в нем признается, я так уж и быть, сделаю вид, что манипуляция осталась незамеченной. Каким бы прогрессивным ни был мир, способ возвращать людей с того света еще не придумали, даже я это понимаю. Но вместо того, чтобы в чем-то признаваться, папа с хитрым прищуром интересуется:

— А ты собираешься передумать?

— Нет, но обязательно соберусь, если ты планируешь и дальше ехидничать.

Попытка запить нарастающее раздражение еще одним глотком кофе оказывается удачной. Горечь смешалась с медом, осевшим на дне кружки, и чем-то напоминает привкус лекарства. Он окунает меня во флешбеки годичной давности. Белая реанимационная палата. Костино лицо, слившееся с цветом простыней. Прилипшая к бледному лбу золотистая прядь челки. Отчаяние, которое топит меня от этих картинок такое же горькое, глухое и беспросветное. Оно захлестывает с головой, как огромная морская волна, с силой бьет о дно, полностью отделив от окружающего мира. Переключиться на папин ответ получается с трудом и не сразу.

— ...Рина планировала заняться этим после свадьбы, но

за неделю до гибели хвасталась, что уже готовит проект.

— Проект? — с интересом переспрашиваю я, не собираюсь выдавать, что пропустила первое, а возможно и второе предложение мимо ушей.

Этому приему меня научила сестра несколько лет назад. Он помогал ей поддерживать светские беседы в зарубежных поездках и выручал даже тогда, когда она не знала язык собеседника. Достаточно лишь с вопросительной интонацией повторять последнее слово. В случаях, когда концентрация внимания оставляет желать лучшего, способ тоже идеально подходит.

— Здание давно требовало капитального ремонта, но она решила переделать его полностью. — Папа откидывается на спинку кресла. — Решила оставить какие-то детали, но какие именно — не делилась.

Догадавшись, о чем речь, я на несколько секунд задерживаю дыхание. Первый отель Меркурия. Тот самый, который родители когда-то вместе создали с нуля. Небольшой, двухэтажный, в историческом центре города. Ри хотела отреставрировать его. Для отца. В память о маме. Это осознание сразу же угнетает мыслью, что с настолько идеальной предшественницей мне не тягаться. Честно признаюсь:

— От строительных дел я еще дальше, чем от ресторанно-госиничных, пап, тебе ли не знать.

— Знаю. — Отец кивает. Кажется, сам факт признания моей несостоятельности в чем бы то ни было уже его раду-

ет. — Но Рина успела многое сделать сама. Тебе осталось только контролировать и направлять реконструкцию, только и всего.

Окна в Талассе такие большие, что даже в папин кабинет на северной стороне пробивается солнце, делит пол на ровные, серо-коричневые полосы, греет спину от плеч до пояса, высвечивает папины морщинки: на лбу, у глаз и губ. Он много чего пережил, но сейчас на его лице живой интерес, словно я — его последний шанс что-то исправить. Может, так и есть. Я подаюсь к столу:

— Если проект готов, значит Ри успела выбрать исполнителей?

— Азиатско-Тихоокеанский Альянс, — коротко отвечает папа.

Кажется, он забыл, что перед ним не Арина, а всего лишь я, не знающая наизусть всех его друзей и контрагентов. Но, покопавшись в памяти, я вдруг понимаю, что это название и правда когда-то уже слышала.

— Это компания Игоря Дубинина?

Еще во времена моего детства, был у отца такой друг. Он даже инвестировал в один или несколько филиалов Меркурия.

— Сейчас всем занимается его дочь. — Он клонит голову к плечу. — Вы с Ариной даже учились с ней в одной гимназии какое-то время.

Это было так давно, что память с трудом воскрешает об-

раз Леры — стеснительной девочки с усыпанным веснушками носом. Нетрудно догадаться, что в свете последних событий папе выгодна наша с ней встреча. Настала моя очередь язвить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.